

## СЕКЦИЯ 4 СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В РАЗВИТИИ МЕЖДУНАРОДНОГО ЧАСТНОГО ПРАВА

### РЕДОМИЦИЛИРОВАНИЕ (РЕДОМИЦИЛЯЦИЯ) ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ В КОНТЕКСТЕ ЕВРАЗИЙСКОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ (ЧАСТНОПРАВОВОЙ АСПЕКТ)

*Н. Ю. Газдюк*

*Белорусский государственный университет,  
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, gaz.82@mail.ru*

Статья посвящена рассмотрению вопроса о понятии и правовом регулировании редомициляции (изменение личного закона юридического лица вследствие перехода его из одной национальной юрисдикции в другую без потери его правосубъектности) в национальном праве зарубежных государств, а также на уровне права ЕС. С целью содействия либерализации торговли услугами, учреждения, деятельности и осуществления инвестиций обосновывает целесообразность и предлагаются правовые механизмы введения данного института в право ЕАЭС, а также в национальное право государств-членов.

**Ключевые слова:** редомицилирование, редомициляция, личный закон, право ЕАЭС.

### RE-DOMICILIATION OF LEGAL ENTITIES IN THE CONTEXT OF THE EURASIAN ECONOMIC INTEGRATION (PRIVATE LEGAL ASPECT)

*N.Yu. Gazdyuk*

*Belarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Belarus*

The article is devoted to the consideration of the concept and legal regulation of re-domiciliation (changing the personal law of the legal entity as a result of its transfer from one national jurisdiction to another without losing its legal personality) in the national law of foreign states, as well as at the level of the EU law. In order to facilitate the liberalization of trade in services, the establishment, activities and investments it's justified to and proposed legal mechanisms for introducing this institution into the EAEU law, as well as into the national law of member states.

**Key words:** re-domiciliation; personal law of the legal entity, the EAEU law/

Развитие трансграничного гражданского оборота влечет необходимость создания эффективных частно- и публично-правовых механизмов, обеспечивающих мобильность не только физических, но и юридических лиц. Особую актуальность данный вопрос приобретает для интеграционных экономических объединений, ставящих своей целью создание общего (единого) рынка, построение и функционирование которого невозможно без закрепления и реализации свободы учреждения. Вместе с тем, если возможность трансграничного перемещения физических лиц (при условии соблюдения ими определенных публично-правовых требований) не вызывает сомнения, то наличие такой возможности у юридических лиц многими национальными правовыми порядками не признается в принципе, что обусловлено спецификой юридического лица как субъекта гражданского и международного частного права.

Изучение опыта правового регулирования трансграничной мобильности юридических лиц в ЕС позволяет выделить следующие ее основные формы: трансграничное перемещение места осуществления основной деятельности, трансграничное перемещение места нахождения центра управления, трансграничная реорганизация в форме слияния (*cross-border mergers*) или разделения (*cross-border*

*divisions*), деятельность наднациональных организационно-правовых форм юридических лиц, а также изменение личного закона юридического лица вследствие перехода его из одной национальной юрисдикции в другую без потери его правосубъектности. Последней форме считаем необходимым уделить более пристальное внимание.

Процедура изменения личного закона юридического лица вследствие перехода его из одной национальной юрисдикции в другую без потери его правосубъектности в национальном праве государств, допускающих такую возможность, а также в юридической литературе именуется по-разному (англ. *re-domiciliation, continuation, migration, adaptation, cross-border conversion* и др.), вместе с тем, полагаем, что наиболее удачным является термин «редомицилирование» или «редомициляция» как наиболее точно отражающий суть рассматриваемого механизма.

Институт редомициляции предусмотрен национальным законодательством целого ряда государств с разной степенью детализации. Так, если одними правовыми актами такая возможность в принципе допускается (в частности, Болгария, Италия, Лихтенштейн, Люксембург, Франции, Швейцария), то в иных юрисдикциях данная процедура довольно подробно урегулирована законами о компаниях и активно применяется на практике (в частности, Кипр, Британские Виргинские острова, Гибралтар, Джерси, штат Делавер (Соединенные Штаты Америки), Сингапур, Мальта). Что касается ЕС, то право компаний изменять свое формальное место нахождения (*registered office*) с преобразованием в одну из организационно-правовых форм принимающего государства было признано Судом ЕС (Решение по Делу C-378/10 VALE Építési kft.; «VALE» [2012] и Решение по Делу C-106/16 Polbud - Wykonawstwo sp. z o.o. [2017]). Признавая важность данного института для обеспечения свободы учреждения Европейским Парламентом разработаны предложения о внесении изменений в Директиву Европейского Парламента и Совета ЕС (ЕС) № 2017/1132 «О некоторых аспектах корпоративного права» от 14.06.2017, предусматривающие введение института трансграничного преобразования компаний с ограниченной ответственностью (*cross-border conversion*), под которым понимает операция, посредством которой компания, не будучи распущенной, ликвидированной или прекратившей существование, преобразует организационно-правовую форму, в которой она зарегистрирована в выпускающем государстве, в организационно-правовую форму, предусмотренную законодательством принимающего государства, и переносит по крайней мере свое формальное место нахождения в принимающее государство, сохраняя при этом свою правосубъектность. Предполагается, что указанная процедура будет регулироваться национальным правом как выпускающего (в части требований и формальностей для «выезда» компании), так и принимающего государства (в части требований и формальностей для «выезда» компании).

Среди государств-членов ЕАЭС институт редомициляции предусмотрен национальным правом Армении и Российской Федерации.

Согласно п. 1 ст. 59.1. ГК Армении редомициляция юридического лица определяется как перемещение юридического лица из одной юрисдикции под другую юрисдикцию, вследствие чего меняется личный закон юридического лица. Предусматривается возможность редомициляции как иностранных юридических лиц в Армении (ст. 59.2. ГК Армении), так и редомициляции юридических лиц Армении в иностранных государствах (ст. 59.3. ГК Армении).

Институт редомицилирования закреплён и правом Российской Федерации, однако, по сравнению с положениями армянского права, имеет характер *ad hoc* (имеет ограниченную сферу применения). Так, возможность редомицилирования в Российскую Федерацию была предусмотрена для юридических лиц (за некоторым исключением), имевшим в соответствии с учредительными документами место

нахождения постоянно действующего исполнительного органа либо в случае отсутствия постоянно действующего исполнительного органа - иного органа или лица, имеющих право действовать от имени юридического лица без доверенности, на территории Республики Крым или территории города федерального значения Севастополя на день их принятия в Российскую Федерацию (ст. 1 Федерального закона Российской Федерации № 124-ФЗ от 05.05.2014 «О внесении изменений в Федеральный закон «О введении в действие части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» и статью 1202 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации»). Вторым примером редомицилирования служит государственная регистрация в Едином государственном реестре юридических лиц т.н. «международных компаний» - хозяйственных обществ со специальным статусом с местом нахождения в пределах специальных административных районов на территориях Калининградской области (о. Октябрьский) и Приморского края (о. Русский), регистрация которых была произведена в связи с изменением иностранными юридическими лицами, соответствующими определенным критериям, личного закона в порядке, предусмотренном Федеральным законом № 290-ФЗ от 03.08.2018 «О международных компаниях» и Федеральным законом № 291-ФЗ от 03.08.2018 «О специальных административных районах на территориях Калининградской области и Приморского края».

Актуальность внедрения института редомициляции для государств-членов ЕАЭС обусловлена следующим.

Договор о ЕАЭС и Протокол № 16 к нему относятся к т.н. «публично-правовым международным соглашениям», адресатами которых являются государства-члены ЕАЭС и их органы, в то время как личный статут, как справедливо отмечает А.В. Асосков, используется для решения вопросов частноправового характера, касающихся установления правового положения иностранного юридического лица как самостоятельного субъекта права, участвующего в имущественном обороте [1, с. 23]. Вместе с тем, как показывает практика Европейского союза, мера предоставления таких экономических свобод, составляющих основу общего (единого) рынка, как свобода учреждения и свобода предоставления (оказания) услуг, в рамках интеграционных экономических объединений оказывает значительное влияние на правовое положение юридических лиц как субъектов международного частного права. Наблюдается и обратное влияние частноправового статуса юридического лица на фактическую возможность реализации им указанных свобод. Некоторыми авторами даже отмечается, что именно в свете регулирования личного статута (национальности) компании и ее признания на национальном и общеевропейском уровне следует рассматривать вопросы осуществления компаний свободы учреждения (первичной и вторичной) в рамках ст. 49 ДФЕС [2, с. 175].

Все государства-члены ЕАЭС для определения права, применимого к основным вопросам, входящих в сферу действия личного закона юридического лица как в национальном праве (ст. 1111 и 1112 ГК Беларуси, п. 1 и п. 2 ст. 1202 ГК Российской Федерации (часть третья), ст. 1100 и 1101 ГК Казахстана (особенная часть), ст. 1272 ГК Армении, ст. 1184 и 1185 ГК Кыргызстана (часть II), так и на уровне региональных международных договоров, участниками которых являются все или большинство государств-членов ЕАЭС (ст. 11 Киевского соглашения 1992 г., ст. 23 Минской конвенции 1993 г., ст. 25 Кишиневской конвенции 2002 г.), придерживаются критерия инкорпорации. Таким образом, для них не так актуальна проблема признания правосубъектности юридического лица при переносе фактического места осуществления деятельности или административного центра, как для государств-членов ЕС, где наблюдается конфликт коллизионных подходов к определению личного закона юридического лица. Более того, национальное право

ряда государств-членов ЕАЭС для всех иностранных юридических лиц устанавливает национальный режим для их деятельности, осуществляемой на территории соответствующего государства-члена (ст. 1113 ГК Беларуси, ст. 1273 ГК Армении, ст. 1186 ГК Кыргызстана (часть II). ГК Казахстана устанавливает, что еще более широкий подход, предусматривая, что иностранные юридические лица по общему правилу вправе приобретать такие же права и обязаны выполнять такие же обязанности, какие предусмотрены гражданским законодательством для юридических лиц Республики Казахстан (п. 7 ст. 3 ГК). На основе системного толкования российского права многие авторы делают вывод, что иностранным юридическим лицам материальное право России также предоставляет национальный режим [3, с. 134]. На уровне прав ЕАЭС для юридических лиц государств-членов даже в секторах, в отношении которых пока не действуют правила единого рынка услуг, государства обязались предоставить (за некоторыми исключениями, допускаемыми правом ЕАЭС) при торговле услугами, учреждении и деятельности национальный режим и режим наибольшего благоприятствования (п. 44, 21, 24, 27, 29 Протокола № 16).

Таким образом, может сложиться впечатление, что с учетом указанных подходов нет необходимости вводить институт редомициляции в право ЕАЭС и национальное право государств-членов.

Однако, предоставление национального режима не гарантирует юридическим лицам государств-членов равенства с юридическими лицами принимающего государства-члена в вопросах, регулируемых личным статутом. Во-первых, как справедливо отмечает Н. Н. Вознесенская, вряд ли можно предположить, что принимающее государство предоставит иностранному юридическому лицу те права, которые хотя и отражены в его личном законе, но не предоставляются этим государством своим национальным юридическим лицам [3, с. 132]. Таким образом, применение коллизионной привязки *lex societatis* может быть существенно ограничено применением оговорки о публичном порядке или национальных материальных правовых норм прямого действия. Во-вторых, национальное право принимающего государства-члена, даже устанавливая национальный режим, не может предоставить иностранному юридическому лицу больше прав, чем это предусмотрено его личным законом. Таким образом, можно согласиться с бароном Б.Э. Нольде, что «статус иностранного юридического лица определяется его личным законом лишь постольку, поскольку это допускается местным законодательством относительно юридических лиц вообще и иностранных лиц в частности» [4, с. 501].

В связи с вышеизложенным, полагаем, что введение института редомициляции в право ЕАЭС и национальное право государств-членов будет способствовать достижению целей ЕАЭС и либерализации торговли услугами, учреждения, деятельности и осуществления инвестиций, для чего, исходя из современного уровня развития права ЕАЭС, предусматривающего в части либерализация торговли услугами, учреждения, деятельности и осуществления инвестиций гармонизацию законодательства государств-членов (п. 1 ст. 67 Договора о ЕАЭС), необходимо: 1) заключение государствами-членами международного договора в рамках ЕАЭС, предоставляющего для юридических лиц государств-членов возможность редомициляции в рамках ЕАЭС и устанавливающего ее правовые основы, подлежащие введению в национальное законодательство государств-членов, а также регулирующего организацию взаимного административного сотрудничества компетентных органов государств-членов по данному вопросу; 2) введение в национальное законодательство государств-членов института редомициляции, включающего материальные и коллизионные нормы, а также внесение изменений и дополнений в законодательство, регулирующее вопросы государственной регистрации юридических лиц.

## БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Асосков А. В. Правовые формы участия юридических лиц в международном коммерческом обороте. М. : Статут, 2003.
2. Европейское право: учеб. пособие : в 2 ч. Ч. 2 / А.И. Анищенко [ и др.] ; под ред. В.А. Астапенко, А.И. Анищенко. Минск, Изд. Центр БГУ, 2018.
3. Вознесенская Н. Н. Юридические лица в международном частном праве России и ЕС // Труды Института государства и права РАН. 2017. Том 12. № 2.
4. Нольде Б.Э. Очерк международного частного права // Международное право в систематическом изложении. Перевод с шестого немецкого издания / Ф. Лист; пер. под ред. В.Э. Грабаря; коммент. Нольде Б.Э. – Юрьев: тип. К. Маттисена, 1912. - 3-е русское изд.

## СПОРТИВНЫЙ ТРЕТЕЙСКИЙ СУД КАК ОРГАН РАЗРЕШЕНИЯ СПОРТИВНЫХ СПОРОВ

**М. А. Журова<sup>1)</sup>, А. С. Данилевич<sup>2)</sup>**

<sup>1)</sup>*Общество с ограниченной ответственностью «Арцингер и партнеры», пр. Независимости, 169, 220114, г. Минск, Беларусь, maryia.zhurova@gmail.com*

<sup>2)</sup>*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, a.danilevich@gmail.com*

Спортивные арбитражные суды являются одним из основных способов разрешения спортивных споров. На международном уровне исключительной компетенцией в отношении указанных споров обладает Спортивный арбитражный суд в г. Лозанне (Швейцария). В свою очередь, белорусским спортивным сообществом был основан Спортивный третейский суд при общественном объединении «Белорусский республиканский союз юристов». В процессуальном регулировании деятельности суда закреплена положительная тенденция принятия к руководству краеугольных принципов рассмотрения спортивных споров, например, принятие принципа *de novo* в отношении процедуры разрешения споров из обжалования решений спортивных организаций. Тем не менее, ряд положений, регулирующих рассмотрение спортивных споров Спортивным третейским судом, требует своего приведения в соответствие с нормами актов *lex sportiva*.

**Ключевые слова:** компетенция, арбитражный суд, спортивный спор, способ разрешения споров, национальный уровень субъектов спортивных отношений.

## COURT OF ARBITRATION FOR SPORT AS A FORM OF SPORTS DISPUTE RESOLUTION

**M. A. Zhurova<sup>a</sup>, A. S. Danilevich<sup>b</sup>**

<sup>a</sup> *Arzinger & Partners LLC, 169 Nezavisimosti ave, Minsk 2200114, Belarus*

<sup>b</sup> *Belarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Belarus*

Courts of arbitration for sport are the main form of sport dispute resolution. On the international level the Court of arbitration for sport in Lausanne (Switzerland) possesses the exclusive jurisdiction for resolution of such disputes. In Belarus the Court of arbitration for sport has been established as well. The cornerstone principals have been implemented by the Belarusian court: for example, the principle of *de novo* in respect to the appeal of decisions made by sports organizations. Nonetheless there are still remaining dispute resolution procedure provisions to be put in line with the provision of *lex sportiva*.

**Key words:** competence, arbitration, sports dispute, form of dispute resolution, sports subjects of national level.